

Известия. — 1999 — 22 мая. —

с. 7

Роман КАРЦЕВ:

Я чувствую себя последним из могикан

Известному юмористу исполнилось 60 лет

Он был одним из самых известных советских сатириков, его выступления до сих пор собирают полные залы. Изящный, едкий, артистичный — школа Аркадия Райкина не прошла даром, замечательная традиция одесского юмора сделала свое. Он по-прежнему много работает, снимается в кино, не так давно в театре «Эрмитаж» вышла его новая премьера... Накануне юбилея наш корреспондент Алексей ФИЛИППОВ встретился с ним.

— Роман Андреевич, кто определил вашу судьбу?

— Жванецкий и Ильченко. И Аркадий Исаакович Райкин, который пригласил нас в свой театр.

— Ваша троица олицетворяла великий и могучий, ведущий свою родословную от Ильфа и Петрова клан одесских юмористов. В чем секрет Одессы, почему она так щедра на людей, умеющих хорошо шутить?

— Трудно сказать. Так сложилось — море, солнце, юг, масса перемешанных друг с другом национальностей... Вот и произошел всплеск русско-украинско-еврейского юмора. Одесситы узнают сразу — по разговору, акценту, повадке, манере думать. Я не верю, что может быть ма-асковский та-акой стилистический юмор. Я не могу понять, как можно так острить. Секрет одесского юмора в произношении, в русско-украинско-еврейской интонации, в сленге, разговорном джете.

У Жванецкого есть очень точная фраза: «Главное мысль, а не слово». На слова одесситы не обращают внимания — иногда ставят неверные ударения, неправильно говорят по-русски. Но именно это придает прелесть их говору, за которым почти всегда стоит острая, точная, едкая мысль.

— В вашем союзе со Жванецким и Ильченко есть что-то мистическое: один город, одна улица, один и тот же студенческий театр...

— Да при чем тут мистика! Жванецкий и Ильченко учились в Институте инженеров морского флота, а я примкнул к ним, когда они создали «Парнас-2» — был такой полупрофессиональный театр. Там работали инженеры, врачи, ученые, а я пришел в него из самодеятельности Дворца моряков. Я сыграл в нескольких спектаклях, потом их посмотрел Райкин — и пригласил ме-

ня к себе. В 1963 году я перетасил в Ленинград Ильченко, через год к нам подъехал Миша Жванецкий... Дальнейшее вам известно.

— Что за человек был Аркадий Исаакович? Говорят, что он был жестковат, не любил никого учить и сразу бросал человека в роль — как щенка в воду.

— Так ведь он не институт благородных девиц содержал. По сути дела, у него был единственный в СССР частный театр — все вопросы Райкин решал сам. Формально театр считался государственным, но тем, кого он увольнял, и в голову не приходило подать в суд — снимите зарвавшегося Райкина! Каждый понимал, что театр принадлежит Аркадию Исааковичу. И к тем, кто хорошо работал, он относился хорошо. Кого-то Райкин любил, кого-то нет, но в целом все определяло то, что он был огромным профессионалом. Он был фанатично предан своему делу, которое забирало все его внимание, — на семью, детей, артистов душевных сил почти не оставалось. Он был трудолюбивым — Костя пошел в него... На отношение к людям это, конечно, влияло. Порой Аркадий Исаакович не замечал одолевавших нас бытовых проблем. Работая у него, мы много лет получали по восемьдесят пять рублей. Снимали угол, жили в гостиницах, денег у нас не было... Восемь рублей высчитывали за бездетность, двадцать пять я платил за жилье, пятнадцать выделял Жванецкому...

— Как это «выделял»?

— Он тогда еще не работал в театре.

— И как же он, бедняга, выживал?

— Так и выживал — чем-то подрабатывал, писал для самодеятельности... А есть любил очень много, приходилось его подкармливать. Райкин оценил Жванецкого только в 67-м году, когда поставил его

спектакль «Светофор». Тогда Жванецкий ожил и начал кормить нас.

Потом все стало на свои места — Аркадий Исаакович нас заметил, дал нам жилплощадь. К Райкину относились по-разному: кто-то перед ним благоговел, кто-то его не любил... Трудно сказать, какой он был человек. Но так ли это важно? Он был великим артистом, а все остальное — мелочи.

— Насколько я знаю, у вас и до Ленинграда был богатый опыт выживания. Вы ведь из простой семьи?

— Да, семья была простая. Папа был футболистом, мама — начальником ОТК. Жили скромно. А я начинал на швейной фабрике, потом перешел на обувную...

— Рабочему обувной фабрики должно было быть не до шуток.

— Время было другое. Одесса бурлила самодеятельностью, была богата театрами, дворцами культуры, разными конкурсами — и я участвовал в большинстве из них... А что до денег, то перед уходом к Райкину я зарабатывал тысячу двести рублей, и это было очень прилично.

Я играл в футбол, занимался акробатикой, прыжками в воду... Баскетболом. Да-да, не поднимайте брови. Марadona разве большой? Вот и я — во мне до тридцати трех лет было сорок семь килограммов веса, но я был очень шустрым и вертким.

— Что ж вы с Райкиным-то расстались?

— Это длинная история. Я ушел два раза — мы долго выясняли, кто больше понимает юмор. Нашла коса на камень — режиссер, который ставил спектакль «Светофор», совершенно не чувствовал Жванецкого. А я человек психованный... Через полтора года я вернулся, а через год мы ушли втроем и организовали свой театр в Одессе.

— Аркадий Исаакович не был в претензии?

— Был. Но потом все прошло, и мы остались большими друзьями. Мой новый спектакль, поставленный главным режиссером театра «Эрмитаж» Михаилом Левитиным, посвящен Райкину.

— У вас ведь есть и другая ипостась, в которой вы не впол-

не реализовались, — вы театральный актер...

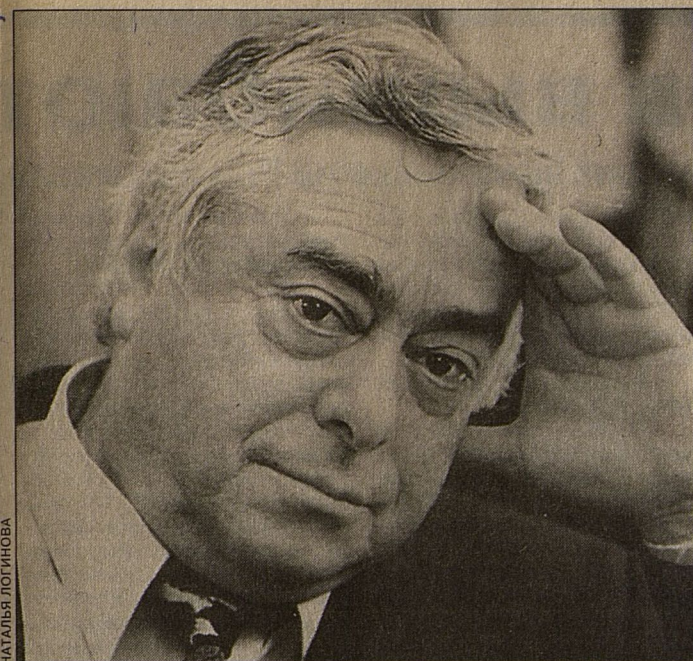
— Ну почему же не реализовался? В театре «Эрмитаж» мы с Витей Ильченко играли Чехова, Хармса, у меня был свой моноспектакль. А по образованию я актер драмы и кино — мы с Витей закончили заочное отделение ГИТИСа. Сейчас я снимаюсь в фильме Рязанова «Старые клячи». Это уже мой третий фильм с Рязановым.

— Есть ли разница между той юмористикой, с которой вы начинали, и нынешней?

— Конечно. Во-первых, теперь не та Одесса, и юмор в ней уже не тот. А во-вторых, в былые годы были очень развиты «стемы» — студенческие театры миниатюр, они существовали в каждом институте. В 1964 году прошел первый и последний фестиваль «стемов». И там были такие театры! «Наш дом» Розовского, одесский «Парнас», МЭИ, МАИ, харьковский театр миниатюр, челябинский... Это были почти профессиональные коллективы, собиравшие колоссальную аудиторию. Оттуда вышло очень много артистов — Фарада, Филиппов, Филиппенко... Потом этот жанр вылился в КВН, а затем театры миниатюр исчезли, и в институтах стала задавать тон попса. Теперь в нашей стране никто, кроме меня, классическим театром миниатюр не занимается. Все, что сейчас существует, ближе к эстраде — песни, пародии, репризы. А я работаю в жанре моноспектакля и существую между большим театром и чистой эстрадой. Публика поменялась — в моде пародии, анекдоты... Пошлость.

— Отчего же она поменялась?

— На наши спектакли ходила техническая интеллигенция — инженеры, конструкторы, врачи, ученые... Кто-то свалил, другие превратились в «челноков», у третьих нет денег на билеты. Раньше мы с Витей Ильченко могли сидеть в Киеве месяц и собирать по десять тысяч человек — полный Дворец спорта! Теперь в Киеве с большим трудом можно сделать два концерта — и не во Дворце спорта, а в небольшом театре. То ли мы постарели, то ли постарела наша публика, но ведь и популярные певцы собирают залы с

Роман Карцев

большим трудом. Приезжаешь в Омск или Новосибирск, а там работают пять или шесть концертов: Розенбаум, Киркоров, Шифрин... Вот публика и разрывается. Денег-то ни у кого нет. Из юмора исчезла острота. Он стал чересчур лобовым — ругают президента, Думу, американские прокладки... Никто не занимается художественным образом, все выезжают на анекдотах, которые меня раздражают: дикий хохот вызывает откровенная пошлость. Эстрадный костяк, правда, сохранился: Клара Новикова, Хазанов, Шифрин, Арлазоров, Задорнов, Жванецкий, Евдокимов, Винокур...

— Узок круг этих юмористов... Вы должны себя чувствовать последними из могикан, представителями вымирающего жанра.

— К сожалению, так оно и есть.

— Но ведь у ушедшего времени тоже были свои «прелести». Вас с Ильченко запрещали?

— Все время. Ни одной нашей программы не приняли... Хотя нет, вру — первая, которую мы сделали сразу после того, как ушли от Райкина, проскочила, но только потому, что в Одессе в то время была холера. Обычно принимал худсовет филармонии, потом райком партии, потом горком, обком, киевское министерство культуры и украинский ЦК — в результате от спектакля ничего не оставалось. Но, поскольку имела место холера, все ограничилось обкомом: ходили слухи, что на улицах уже лежат трупы, и надо было рассмешить народ. (Наш спектакль состоял из двадцати шлягеров — публика уползала.) А все следующие программы снимали. Все! Но мы все равно их играли. Нас снимали в Одессе — мы играли в Москве. Нас снимали в Москве — мы играли в Новосибирске... Ниче-

го веселого в этом не было. В Москву мы перебрались из-за того, что Киев запретил «Собрание на ликеро-водочном заводе»: «Разве у нас в стране все пьют!» Но нас запрещали и в столице.

— Говорят, что в душе любого юмориста прячется пессимист.

— Да, это так. На Райкина в антрактах было страшно смотреть. К тому же юмористы очень неглупые люди — они хорошо понимают окружающих, и то, что они видят, их, как правило, не радует. Но есть и другие — они беспрерывно остряют, хохмят на сцене, хохмят в жизни... С ними хорошо ходить в баню. Лично мне ближе слова Жванецкого: «Юмор — это душевное состояние человека. Какая у него душа, так он и острит».

— Но если зал постоянно подпитывает юмориста, то и откatzаться от этого допинга тяжело...

— Поэтому я и держусь в профессии. А я ведь работал и в драматическом театре, мне и главные роли предлагали... Пока есть силы, надо работать на эстраде, а потом придется что-то искать: нехорошо, когда к людям выходит старый клоун и через силу пытается их рассмешить. Но до этого я еще что-нибудь успею сделать.

Я мечтал сыграть три моноспектакля — и я их сыграл. Я мечтал сделать юмористический моноспектакль для детей — представляете, как это трудно? Может быть, мне это еще удастся...

— Чем вы счастливы?

— Семилетней внучкой-москвичкой. Родилось вот тут у нас такое маленькое, красивое, умное. «Дед, почему ты меня так часто вспоминаешь? Я все время икаю!» А что вы хотите, южная кровь — у нас люди шутят, юморят и разыгрывают друг друга с раннего детства...